

The background of the cover is a photograph of a man and a woman in a nightclub. The woman, on the left, has long, dark, wavy hair and is wearing a bright red, low-cut dress and large hoop earrings. She is looking towards the camera with a slight smile. The man, on the right, has short, styled brown hair and is wearing a black button-down shirt. He is looking down with a serious expression. The background is dark with red neon lights, suggesting a club atmosphere.

Оксана Лебедь

ОШИБКА

которая лишила меня

всего

Оксана Лебедь

Ошибка, которая лишила меня всего

<https://litres.ru/74203528>

Аннотация

Я даже не думаю. Подхожу к Рите и резко хватаю её за руку. Толкаю к стене, прижимаю так, что она не может отойти. Внутри всё бурлит: ярость, страх, желание уничтожить её и вместе с тем отчаянная невозможность поднять руку.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?! — шиплю сквозь зубы, чувствуя, как пальцы вжимаются в её кожу.

Она не сопротивляется. Не дергается, не пугается. Смотрит прямо в глаза и улыбается. Улыбка довольная, почти самодовольная — как у человека, добившегося своего.

Её свободная рука поднимается и легко касается моей щеки. Я отдёргиваюсь, но слишком поздно. Этот холодный, мягкий жест будто проникает под кожу.

— Я же сказала, Кирилл, — её голос тихий, ласковый, как шёпот в постели. — Мы всё равно будем вместе.

У меня перед глазами плывёт. Сердце колотится так сильно, что я едва слышу детский плач в соседней комнате. Внутри всё кричит: выгони её из этого дома, скажи Марии правду, останови это, пока не поздно. Но я не могу, я люблю свою жизнь, свою

жену и свою дочь. Я не потеряю их! Я не могу рассказать о связи с этой... Да кто она вообще такая?

Я совершил ошибку, связался с женщиной пока моя жена носила ребенка. Мы расстались и я наивно полагал, что теперь все будет как раньше: Я, Мария и наша дочь Кристина. Мне казалось, что у меня все под контролем, но всему приходит конец...

Содержание

Пролог	5
1	9
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Я открываю дверь медленно, почти неслышно. Знакомый запах сразу накрывает меня волной – молоко, детский крем, ваниль. Дом пахнет жизнью, покоем. Всегда, переступая порог, я чувствую, как напряжение дня уходит.

Шаг в прихожую – и я замираю.

Из комнаты выходит Мария. Я моргаю – и не верю своим глазам. Передо мной не уставшая женщина после бессонной ночи, не бледная тень себя, которой я привык помогать и оберегать. Сегодня она – сияет. Волосы уложены мягкими волнами, блестят в свете лампы. На лице лёгкий макияж, тонкий румянец, губы чуть подкрашены. Платье подчёркивает её фигуру, и она выглядит свежо, отдохнувшей, будто вернулась к себе прежней, той, в которую я влюбился десять лет назад.

У меня перехватывает дыхание.
 – Маруся... ты потрясающая, – вырывается у меня.

Она смеётся, словно девчонка, и бросается ко мне на шею. Её губы касаются моих, руки – такие знакомые, родные – помогают снять пальто. И я в эту секунду понимаю: вот он, мой настоящий дом, моя опора, мой свет. Всё остальное – грязь и ошибка, которую нужно стереть из памяти.

– У меня для тебя новость, Кириуша! – Мария сияет, глаза горят радостью. Она берёт меня за руку и почти тащит вглубь

прихожей, не в силах сдержать себя. – Я так ждала, чтобы рассказать.

– Новость? – я улыбаюсь, сердце замирает от её счастья.

– Да. Мне удалось найти для нас няню... – Она сжимает мою руку крепче.

– Значит, я могу пригласить свою жену на свидание, – игриво произношу я.

– Она здесь. Сейчас познакомишься!

Я не успеваю даже моргнуть. Из-за угла раздаются шаги. Лёгкие, неторопливые. Я поворачиваюсь – и сердце проваливается в пустоту.

Она.

Рита выходит в прихожую так спокойно, будто всегда жила в этих стенах. Скромная белая футболка, простые джинсы, волосы собраны в высокий хвост. Ни намёка на яркий макияж, ни намёка на ту Риту, что сводила с ума своим красным платьем. Теперь она выглядит просто, «правильно», почти по-домашнему. Но от этого становится только страшнее.

Она улыбается. Легко, тепло, будто мы не виделись всего пару дней назад.
– Здравствуйте, Кирилл. Теперь я буду помогать вашей жене и дочке.

Мир внутри меня рушится. В голове звенит её голос: *«Ты думаешь, Мария удержит тебя? Ты вернёшься ко мне. Ты сам захочешь вернуться»*. Тогда это прозвучало как угроза, как вызов. Теперь я понимаю: это было обещание.

Мария сияет, даже не замечая, как я напрягся.
– Ну

что? Скажи, какая удача! – её глаза горят. – Я даже нашла время на себя. Видишь? – она показывает на волосы, блестящие от укладки, и я понимаю, что она действительно была счастлива весь день. Улыбка, свежесть, макияж – всё это благодаря тому, что «няня» помогла ей отдохнуть.

И в этот момент из детской раздаётся плач. Тонкий, требовательный. Мария вскидывается и быстро оборачивается ко мне:
– Я сейчас! Познакомьтесь пока.

Она исчезает за дверью, и мы остаёмся вдвоём.

Я даже не думаю. Подхожу к Рите и резко хватаю её за руку. Толкаю к стене, прижимаю так, что она не может отойти. Внутри всё бурлит: ярость, страх, желание уничтожить её и вместе с тем отчаянная невозможность поднять руку.

– Какого чёрта ты здесь делаешь?! – шиплю сквозь зубы, чувствуя, как пальцы вжимаются в её кожу.

Она не сопротивляется. Не дергается, не пугается. Смотрит прямо в глаза и улыбается. Улыбка довольная, почти самодовольная – как у человека, добившегося своего.

Её свободная рука поднимается и легко касается моей щеки. Я отдёргиваюсь, но слишком поздно. Этот холодный, мягкий жест будто проникает под кожу.

– Я же сказала, Кирилл, – её голос тихий, ласковый, как шёпот в постели. – Мы всё равно будем вместе.

У меня перед глазами плывёт. Сердце колотится так сильно, что я едва слышу детский плач в соседней комнате. Внутри всё кричит: выгони её из этого дома, скажи Марии прав-

ду, останови это, пока не поздно. Но я не могу, я люблю свою жизнь, свою жену и свою дочь. Я не потеряю их! Я не могу рассказать о связи с этой... Да кто она вообще такая?

Я вижу только её глаза – голубые, холодные, как лёд, и в них светится торжество. Она победила. Она уже здесь, внутри моего дома, внутри моей жизни.

И я понимаю: всё только начинается.

За неделю до появления Риты.

В номере душно, слишком душно. Окно плотно закрыто, шторы задёрнуты, и единственный свет идёт от ночника у кровати. Тусклый жёлтый свет ложится на смятые простыни, пахнущие потом и её сладкими духами. Воздух густой, вязкий и тяжелый, наполненный дымом от сигарет. Я чувствую его на коже и хочу только одного – выйти отсюда.

Рита лежит рядом. Голая, красивая до безобразия, с раскинутыми по подушке чёрными волосами. Она улыбается – довольная, расслабленная, уверенная. Её голубые глаза блестят, и я ловлю на себе этот взгляд. Он липнет, не отпускает.

Я смотрю в потолок и чувствую, как сердце глухо бьётся от тяжести. Не от желания – от усталости, от понимания. Всё. Конец.

– Рита, – произношу я и сразу слышу, что мой голос чужой, резкий. – Это была последняя встреча.

Она приподнимается, опираясь на локоть, волосы скользят по моей груди. На её лице сначала лёгкое удивление, потом улыбка. Уверенная, снисходительная.
– Кирилл, перестань. Ты не умеешь шутить.

– Я серьёзен. Мы с самого начала договорились: только секс. Без обещаний, без надежд. Я говорил, что это все временно, пока... – как не хочется в такой момент произносить

имя жены и я прокашливаюсь. – В общем, ты все знала.

Её улыбка становится шире, но глаза блестят жёстче.
– Ты говоришь, как будто увольняешь секретаршу.

– Так и есть. Всё было ясно. У нас ничего нет, кроме секса. Ты все знала с самого начала.

Она медленно ведёт пальцем по моей груди, почти ласково.
– Ты врёшь. Ты приходил ко мне, потому что дома тебя душила твоя Мария. Потому что только со мной ты мог быть настоящим и счастливым, мог позволить себе то, чего она не могла тебе дать...

Слова бьют в сердце. Я скидываю с себя её руку.
– Не смей её трогать. Мария – моя жена. Я люблю её! И только её!

Рита усмехается, но смех её дрожит, будто в нём спрятаны слёзы.
– Любишь? А что ты делал со мной? Молился? Кирилл, ты жил мной, целовал так, будто я – твоя единственная женщина. Ты говорил, что любишь меня. А теперь хочешь сказать, что я пустое место?

– Да, – вырывается у меня. – Пустое. Ошибка. Вынужденная ошибка! Это и так продлилось дольше, чем нужно.

Её губы дрожат, она поджимает колени к груди, обхватывает себя руками. Секунду я вижу в ней хрупкую, ранимую девочку, и вина едва не душит меня. Но тут же она поднимает глаза, и в них уже не боль, а гнев.

– Ошибка?! – её голос ломкий, почти визгливый. – Ты смеешь бросать меня, как дешевую игрушку? Я ради тебя... ради нас... Я от всего отказалась, Кирилл!

– Хватит, – отвечаю я устало, поднимаясь с кровати. Я не хочу это слушать. Я хочу домой. – Ты знала правила. И я знал. Всё кончено.

Она бросается за мной, хватая за руку, цепляется, как утопающая, словно я ее спасательный круг.
– Я не позволю тебе уйти! Слышишь? Ты не можешь просто закрыть дверь! Ты нужен мне, Кирилл! Я люблю тебя! Слышишь? Люблю!

Я встряхиваю её руку.
– Я нужен только Марии. Она моя жена. Моя семья.

Рита застывает, но потом вдруг начинает смеяться. Смех рвётся истеричный, громкий, с надрывом. Она вытирает слёзы ладонью и смотрит на меня глазами, в которых блестит что-то опасное.
– Думаешь, можно вот так? Встал, оделся и ушёл? Нет, милый. Так это не работает.

Я застёгиваю рубашку, движения резкие.
– Для меня работает. Всё закончилось.

Она подходит ближе, почти вплотную, и шепчет, глядя прямо в глаза:
– Ты ещё вернёшься. Мария не удержит тебя. Только я знаю тебя настоящего.

– Никогда, – отрезаю я.

Она улыбается сквозь слёзы, её рука тянется к моей щеке, и голос становится мягким, почти ласковым:
– Мы всё равно будем вместе. Я не отпущу тебя. Я знаю, что ты любишь меня.

Я отталкиваю её руку, хватаю пиджак, ключи и выхожу.

Дверь с глухим щелчком закрывается за моей спиной.

В коридоре я останавливаюсь. Лбом касаюсь холодной стены, и я закрываю глаза. В висках стучит кровь.

Вина обрушивается, как камень. Я предал Марию. Женщину, которая трижды теряла ребёнка и всё равно продолжала жить, верить, надеяться. Которая каждый раз улыбалась мне сквозь боль и говорила: «Мы справимся». А я в это время...

Стыд разрывает изнутри. Я ненавижу себя. Но клянусь – всё закончилось.

Рита осталась за дверью.
 А дома – Мария. Жена. Наша любовь. Жизнь.

Я сделаю всё, чтобы больше никогда не оступиться.

Возвращаюсь домой, закрываю за собой дверь в квартиру, но шаги по коридору звучат слишком громко в тишине. В груди комок, горечь, чувство вины, которое не отпускает ни на секунду. Дом пахнет детским кремом, молоком и чуть влажной тканью, которую Мария, наверное, успела постирать между криками нашей малышки. Я ощущаю этот запах так остро, будто каждый вдох – напоминание о том, что я предал самого близкого человека на свете.

Мария сидит на диване, плечи опущены, волосы в неряшливый пучок, лицо бледное, глаза затуманены усталостью. Неделя с плачущей малышкой, недосып, восстановление после родов – весь дом на ней, и я понимаю как я был слаб, когда мог бы быть рядом по-настоящему.

– Кирюша... – тихо шепчет она, едва слышно. – Я так устала... Я думала, что я справлюсь... – жена почти плачет, она прячет слезы глубоко внутри себя. – Кристина не даёт ни минуты покоя.

Я чувствую, как сердце сжимается. Перед глазами всплывает чужой номер, Рита рядом, её слова о «мы всё равно будем вместе». Я проклинаю себя. Как я мог? Вся эта неделя Мария держала дом, ребёнка, семью на своих плечах, а я... я позволял себе слабость. Беременность, три выкидыша, запрет врача – оправдания кажутся жалкими, если сравнивать

с её усталыми руками и лицом.

— Прости... — сажусь рядом, но не могу обнять, мне кажется я все еще ощущаю следы Риты на своем теле. — Я постараюсь, приходить раньше с работы. Обещаю, я помогу тебе, — Маша никогда не обвиняет меня из-за задержек на работе, не просит о помощи. Если бы она только знала правду... Нет! Никогда! Все конченное! — Что там с няней? — Маша отрицательно качает головой. — Ладно, не беда, я теперь рядом.

Она пытается улыбнуться. Слабая улыбка, усталость прорезает её лицо острыми линиями, но она верит, что всё в порядке, что я дома. И в этот момент я понимаю, что лгать ей — всё равно что резать себя ножом.

Я прошу несколько минут, чтобы прийти в себя, и Мария кивает и я закрываюсь в ванной, включаю горячую воду на максимум, встаю под струи. Она обжигает тело, смывает пот, запахи, но не может смыть мысли о Рите, о каждом её прикосновении, словах, обещаниях.

Я проклиная себя: «Как ты мог? Как предал её доверие, свою жену, мать своего ребёнка?» Горячая вода стекает по плечам, но внутренний камень в груди остаётся. Я думаю о том, как оправдал себя: «Это было необходимо. Беременность. Работа. Стрессы. Недосып. Я — мужчина. Это был способ выжить. Я бы сорвался и...». Но эти оправдания обжигают, потому что я знаю, что слабость — слабостью не оправдывается, и я был предателем.

В голове мелькают сцены: Рита, её глаза, её голос, обеща-

ния «мы будем вместе». Мгновения, когда я ощущал острые эмоции, будто это спасало меня от страха потерять ребёнка и Марию. И стыд, который разрывает изнутри, становится почти осязаемым.

– Больше никогда, – шепчу себе. – Это конец.

Струи горячей воды бьют по плечам, смывая остатки страха и греха. Я проклинаю себя вслух, позволяю себе рыдать, молча и без жалости. Но постепенно приходит облегчение. Всё закончилось. Теперь я могу быть мужем, отцом, защитником. Больше нет Риты, больше нет чужого вмешательства.

Выходя из душа, я смотрю в зеркало: усталое лицо, но глаза полны решимости. Я шепчу: «Больше никогда», и понимаю – это клятва не только для Марии, но и самому себе.

Коридор дома встречает меня тёплым светом. Мария сидит с ребёнком, тихо поёт. Я осторожно подхожу, обнимаю её сзади. Она хрупкая, усталая, но доверчивая, её руки мягко обнимают малыша. Внутри поднимается радость – наша семья цела, есть только мы.

– Всё закончилось, – шепчу я, прижимая её руку. – Только мы.

Она смотрит на меня усталыми, но любящими глазами. Малышка прижата к груди, дом тихий.

Я крепко обнимаю Марии плечи, улыбаюсь ребёнку, и впервые за долгое время ощущаю, что мы снова счастливы. Внутри – решимость: защищать этот дом, семью, любовь. И никакая Рита уже не в силах разрушить то, что мы строим

вместе. Мария и Кристина – это все что меня волнует. Я люблю их больше собственной жизни!

Но все оказалось не таким радостным как я думал, Рита не дает покоя, она звонит, пишет сообщения. Я словно не верит в то что мы расстались. Ее сообщения сводят меня с ума, то она пишет о нашей любви, то угрожает. Но я знаю, что скоро настанет стадия принятия и она забудет меня. Такие женщины как Рита никогда не бывают одни. А эти сообщения, словно плата что я должен вынести, за свою слабость. Будто чувства вины мне не достаточно.

Три дня спокойствия... и я почти поверил, что всё позади. Дом, Мария, Кристина — наша жизнь снова наладилась. Каждый вечер, каждое лёгкое движение Марии напоминали: это моя семья, это моё счастье, и я должен его защищать. Я возвращался домой с радостью, помогал с малышкой, убирал, кормил, гладил Марии волосы — и в голове звучало одно: «Всё позади».

Осматриваюсь по сторонам и тут... Она... Рита...

Рита. На тротуаре впереди. Красное платье облегает каждую линию её тела, глубокое декольте, чёрная шубка на плечах. На мгновение ступор парализует ноги. «Нет, это невозможно», — шепчу сам себе. Сердце сжимается. Отрицание: «Это кто-то похожий». Но она идёт уверенно, улыбается, и я понимаю — это она. Всё прежнее, что я считал завершённым, снова оживает.

Внутри буря. Вспоминается ночь с ней, её слова: «Мы всё равно будем вместе». Воспоминания режут душу: страх, вина, стыд за слабость, за то, что предавал Марию. И ярость. Я злюсь на себя за то, что позволял этому случиться, и злюсь на неё, на её наглость, уверенность и непонимание конца.

Я делаю шаг вперёд, пытаюсь убедить себя, что могу пройти мимо. Но сердце бьётся, пульс скачет, кулаки сжимаются. Убегать? Нет. Я не могу. Один неверный шаг — и всё разру-

шится. Семья, Мария, Кристина — это дороже любой страсти, любого прошлого.

— Рита, — говорю ровно, голос дрожит, но сталь слышна в каждом слове. — Стой.

Она улыбается так, будто мы всё ещё в игре. Её глаза — холодный блеск, будто ей по-прежнему всё можно. Это накаляет во мне то, чего я давно не чувствовал: ярость, краем которой лютует страх.

— Кирилл... — её голос тянет, мягок. — Я думала, ты позвонишь...

— Не начинай, — прерываю, и слова выходят жёстко. — Не делай вид, что не понимаешь.

Она чуть наклоняет голову, как поражённая, а потом, словно со смехом, отвечает:

— Что понимать? Мы были вместе. Ты сам говорил, что...

Я не даю ей договорить. Вся эта её самоуверенность, привычка владеть вниманием — и окончательно не понять конца — действует мне на нервы, как наждак.

— Мы закончили, — говорю коротко. — Слово «были» — в прошедшем времени. Поняла? Прошедшее.

Её лицо медленно меняется: оттенок раздражения, затем попытка перейти в кокетство. Я вижу, как в её глазах рождается идея, что можно вернуть.

— Ты... — начинает она тихо, но я перехватываю, не давая закончить.

— Хватит! — голос срывается с железной сталью. — Не

делай вид, что не понимаешь, Рита. Всё кончено. Прошло. Больше никаких «мы», «вдвоём», «ты и я». Всё!

Внутри меня буря: гнев, страх, стыд, воспоминания о прошлой слабости. Я вспоминаю каждый момент, когда позволял себе поддаться её влиянию, каждую ночь, когда совесть грызла меня изнутри. И я чувствую, как это почти ломает меня снова — если бы я сорвался, если бы дала себе слабину...

Она делает шаг ближе, будто хочет уменьшить дистанцию, будто сама не понимает, что это больше не игра.

— Кирилл... — её голос тихий, соблазнительный, почти шепот, — мы можем всё исправить...

Я злюсь, ярость обжигает грудь, а разум кричит: «Не дай себя сломать!» Сердце колотится, дыхание сбито, но я держу себя в руках.

– Слушай меня внимательно, – говорю и понижаю голос так, чтобы слышала только она. – Ни звонков, ни сообщений, ни появления у подъезда. Ни разу. Поняла? Если я хоть раз услышу, что ты пыталась к нам приблизиться – я не отвечаю за себя.

В словах – не угрозы ради угроз, а горькое предостережение мужчины, которого довели до края. Она замерла. Её улыбка треснула

Я вижу, как её лицо меняется. Улыбка исчезла, глаза расширились от внезапного осознания, что с меня хватит. Но даже это, её шок, не утоляет бурю в груди. Внутри кипит всё:

ярость, страх за семью, воспоминания о прошлых ошибках.

Она замолкает. Я делаю шаг назад, создавая пространство, и понимаю: контроль вернулся ко мне. Я больше не уязвим, больше не позволяю прошлому вторгаться в мой дом.

Теперь я уверен, Рита все поняла и больше ее не будет в моей жизни. Я в этом уверен.

Последние несколько дней, нет звонков, сообщений. Я действительно счастлив, наконец-то прошлое осталось позади. Я могу жить дальше не вспоминая о своем проступке.

Сейчас...

Я чувствую её запястье под своей ладонью, хрупкое, но упругое. Она не сопротивляется — наоборот, стоит спокойно, будто ждала этого. Улыбка на губах играет, глаза довольно светятся.

Ее рука скользит по моей щеке. От прикосновения внутри всё сжимается, но я не позволяю этому прорваться.

— Я же сказала, Кирилл, — её голос тихий, ласковый, как шёпот в постели. — Мы всё равно будем вместе.

В груди вскипает ярость. Я чувствую, как кулак хочет сорваться, чтобы стереть эту довольную улыбку с ее лица, но сдерживаюсь. Дом, Кристина, Мария — они рядом, за стеной. Я не могу позволить, чтобы хоть какой-то звук дошёл до них.

— Слушай меня внимательно, — хрипло произношу я, смотря ей в глаза. — Если ты ещё раз появишься здесь... если подойдёшь к моей жене, к ребёнку... к нашему дому... — я сжимаю её запястье так что мои пальца белею, но на лице Риты нет ни капли боли, — я уничтожу тебя. Поняла?

Она улыбается ещё шире. Не страх — восторг. Её дыхание сбилось, словно она наслаждается каждой секундой.

— Вот он ты, настоящий, — выдыхает она. — Такой злой... такой мой.

Хватаю ее за шею и единственное о чем я сейчас могу желать, это чтобы она исчезла, задушить ее, уничтожить. Губы Риты немного приоткрываются, словно она получает удовольствие от моих прикосновений, даже подается немного ближе. Но тут раздаются тихие, шаркающие шаги Марии в детской. Сердце обрывается. Я отскакиваю назад, словно застигнутый на месте преступления, хотя это почти так и есть. Грудь горит, дыхание сбито, но я всеми силами заставляю себя выпрямиться, пригладить волосы, спрятать дрожь.

Рита смотрит на меня — довольно, с торжеством. Её улыбка становится мягче, почти невинной. Как будто и не было того, что секунду назад я готов был её раздавить.

Мария появляется в коридоре. На лице усталость, но в глазах свет — она счастлива, что у неё наконец есть помощь. Она совершенно ничего не замечает.

— Ну что? — спрашивает она тихо, с тем добрым лукавством, что бывает у Марии, когда она гордится чем-то важным. — Познакомились?

Я ощущаю, как в горле пересохло. В висках стучит кровь. Взгляд скользит на Риту — она стоит всё так же спокойно, чуть склонив голову, будто ангел в белой футболке и джинсах, хотя я знаю: за этой маской прячется настоящий дьявол.

— Да, — выдавливаю я, стараясь улыбнуться. — Познакомились.

— И как тебе? — Мария смотрит на меня внимательно, но доверчиво, она ведь верит каждому моему слову. — Ка-

жется, она та самая помощница, которую мы так долго искали. Это настоящая судьба! Наша встреча была случайной, но я так рада!

Я чувствую, как ноги предательски подкашиваются. Сказать правду? Выгнать Риту? Но Мария — такая светлая сейчас, счастливая от того, что ей удалось найти поддержку. А в руках у неё наша дочь, наше чудо, ради которого я позволил себе ту страшную слабость, в которую теперь вцепилась Рита.

— Она... — я делаю паузу, с усилием проглатываю комок в горле. — Она производит впечатление.

Рита опускает ресницы, скромная, почти смущённая, но уголки губ предательски дрогнули. Я вижу эту тень коварства, я знаю ее лучше чем Мария и замечаю намного больше. Она наслаждается этим спектаклем.

Мария облегчённо улыбается, целует Кристину в макушку и развернувшись идет обратно в детскую:

— Отлично. Тогда пошли, покажу тебе, где всё лежит, — обращается она уже к Рите.

Я остаюсь на секунду в прихожей, глядя на их спины. На руках Марии моя дочь. А за её плечом идёт женщина, которая грозит разорвать мой дом изнутри.

Внутри меня всё дрожит. Я чувствую, как бешено колотится сердце, как подкашиваются ноги. Хочется закричать, вырвать её отсюда, стереть это издевательство. Но взгляд Марии, её улыбка, её облегчение — всё это держит меня на

границы.

Она ведь верит, что нашла помощь, верит, что рядом с ней человек, на которого можно положиться. А я знаю правду. Знаю и молчу. Потому что если сейчас я сорвусь, если скажу хоть слово — рухнет всё. Мария не выдержит ещё одного удара. Ради Марии, ради нашей дочери, ради семьи.

Молчи, Кирилл. Ты обязан молчать.

Горечь стоит в горле, будто я проглотил раскалённое железо. Но я делаю шаг вперёд, следуя за ними, сохраняя внешнее спокойствие.

В голове уже пульсирует решение: позже. Когда останемся вдвоём. Я поговорю с Марией. Осторожно, мягко, но твёрдо. Объясню, что это не та женщина, которой можно доверить нашу дочь. Я должен её убедить, но без резкости, чтобы не вызвать лишних подозрений.

Сейчас же я обязан держаться.

Я не нахожу себе места. Всё время, что мы втроём проводим в квартире, я украдкой наблюдаю за Ритой. Каждый её шаг – под моим контролем. Я отмечаю мельчайшие движения: как поправляет одеяло в колыбельке, как несёт на кухню поднос с кружками, как подаёт полотенце Марии. Снаружи – простая, спокойная няня. Но я знаю: это маска.

Мария же улыбается всё шире. Она смеётся вместе с Ритой, словно рядом старая подруга, которой можно доверять. Их разговоры лёгкие: о рецептах, о платьях, о том, как быстро растут дети. Мария светлеет, расправляет плечи, и сердце моё замирает: она так доверчива, так чиста, так ангельски наивна. Для неё весь мир состоит из людей, которых можно любить.

Я же вижу другое. Вижу, как Рита иногда бросает на меня взгляд – быстрый, словно невинный, но внутри него кроется вызов. Улыбка, чуть дольше, чем нужно. Заминка, когда её рука задерживается на детской бутылочке, как будто она знает, что я за ней слежу.

Время идёт мучительно медленно. Внутри гул, словно где-то рядом стоит бомба, и я жду, когда она взорвётся. Но Мария ничего не замечает. Для неё всё впервые спокойно и гармонично. Она счастлива – и это единственная причина, почему я сдерживаюсь.

Наступает вечер, по моим ощущениям эти несколько часов продлились целую вечность. Кристина спит в своей комнате, за дверью тихое сопение. Квартира погружается в мягкий полумрак. На кухне горит только небольшой светильник над столом. Мария с Ритой сидят за столом и за разговор пьют чай, я рядом, контролирую каждое слово Риты. Атмосфера почти домашняя, но для меня – это пытка. За эти несколько часов, не было и секунды, чтобы я расслабился и позволил себе отдохнуть.

Мария что-то рассказывает, увлечённо жестикулирует руками. Я слушаю её голос, но всё внимание приковано к Рите. Она двигается едва заметно, как хищник, который знает, что добыча сама подойдёт ближе.

Сначала её пальцы скользят по моему плечу, будто случайно – «простите, хотела поправить скатерть». Я замираю. Мария продолжает говорить, не заметив этого. Потом её ладонь на мгновение касается моей руки, будто случайно коснулась стола не там, где надо. Внутри у меня всё сжимается. Я чувствую её тепло, и это жжёт сильнее, чем огонь. Я убираю руку, но Мария даже не поднимает глаз. Снова – лёгкое касание локтя. И снова она делает вид, что ничего особенного. Её улыбка спокойна, разговор с Марией непринуждённый, и только я один знаю, что это не игра, а проверка.

Мария смеётся, её глаза сияют, и сердце моё разрывается от любви к ней. Она доверяет мне и не подозревает ничего. Она слишком добрая и доверчивая, видит в людях только

хорошее, она не способна увидеть в этих жестах яд.

А я сижу и думаю: сколько ещё смогу молчать? Сколько ещё выдержу этот фарс, прежде чем всё рухнет?

Мария поднимается из-за стола, чтобы заглянуть к Кристине. Я смотрю ей вслед и только тогда решаюсь. Сажусь ровнее, смотрю на Риту в упор.

– Уже поздно, – говорю ровно, без лишних интонаций. – Тебе пора домой.

Рита улыбается – мягко, будто мои слова её даже радуют. Но не отвечает сразу.

В этот момент возвращается Мария. В руках у неё мягкое одеяло, она кидает его на спинку стула и с теплом смотрит на Риту:

– Кирилл прав. Уже темно, сама знаешь, сентябрьские вечера не самые приятные. Он тебя отвезёт, правда?

Я киваю. Внутри меня всё сжимается: необходимость сидеть с Ритой в одной машине – словно испытание. Но в этом есть и возможность. Наконец я скажу ей всё, без свидетелей. Рита перешла все границы.

– Не стоит... – тихо возражает Рита, играя скромность. – Я прекрасно доберусь сама.

Мария машет рукой, её улыбка светла и решительна:

– Даже не обсуждается. Кирилл отвезёт. Мне так будет спокойнее. Ты даже не представляешь как ты сегодня мне помогла.

И я вижу, как Рита чуть склоняет голову, её губы тронула

едва заметная улыбка – победная, тихая. Будто она получила то, чего хотела.

Я же чувствую, как внутри бурлит ярость. Но на лице держу спокойствие: для Марии всё должно выглядеть естественно.

– Собирайся, – говорю я, поднимаясь. – Я отвезу тебя.

Рита неспешно поднимается, поправляет волосы, словно собирается не в дорогу, а на свидание. Мария помогает ей надеть пальто, обнимает, благодарит за день. И в этот момент я понимаю: моя жена видит в ней спасение. А я – угрозу.

И именно поэтому я обязан довезти её сам. Чтобы всё расставить по местам и избавиться раз и навсегда от прошлого.

Я сдерживаю себя из последних сил. Внутри – голая ярость, такое животное желание разорвать её на части, уничтожить, чтобы ни тень этой женщины больше не приблизилась к тому, что для меня священо: к Марии, к нашей Кристине, к дому. Ведь она пробралась в наш дом, коснулась моей дочери – одним прикосновением осквернила то, что я должен оберегать. Каждый мускул требует рывка, руками хочется схватить её за горло и перестать слышать её голос. Но я не могу. Я сдерживаю кулаки, сдерживаю крик, сдерживаю себя – и это почти невыносимо.

Мы выезжаем со двора. Я держу руль так, что костяшки пальцев побелели. Рита сидит спокойно, как будто это обычная поездка. Улыбка на губах – лёгкая, самодовольная. Её присутствие внутри машины пахнет угрозой.

– Ты сошла с ума, – выдавливаю я наконец, глотая ком в горле. – В наш дом? К моей жене? К моей дочери?

Она поворачивает голову, играет ресницами, и в её голосе – шёпот, будто я должен наслаждаться этой пыткой:

– Кирилл, не будь таким злым. Я просто хочу быть рядом. Помогать. Видеть тебя.

Сердце рвётся от ненависти и страха одновременно. Помогать. Как она смеет говорить о помощи после всего, что сделала? Я чувствую, что внутри меня что-то разгорается, но

показывать это – значит дать ей победить.

– Помогать? – срываюсь я. – Ты угроза. Ты – ошибка, которую я закопал в прошлом.

Она тихо смеётся – смех, который режет. Её рука тянется к моему предплечью, касается легко, будто проверяет, горячий ли я. Я отдергиваюсь, как от огня.

– Ошибка? – повторяет она, и в этом слове столько наслаждения, что меня почти выворачивает. – Ты так говоришь, но вижу, как ты смотришь. Злость – тоже признак чувств. Ты знаешь, что я тебе нужна.

– Слушай внимательно, – произношу я тихо, но каждый слог – как молот. – Ни одного звонка к нам. Ни одного сообщения. Ни единого появления у дома. Поняла? Если я хоть раз услышу, что ты приближалась к ним – я не отвечаю за себя.

Она улыбается, и эта улыбка – откровенно счастливая. Затем наклоняет голову, глазами проводит по моему лицу, и в её голосе слышится не страх, а хищное удовлетворение:

– Я вижу твой огонь, Кирилл. Вижу, как он горит внутри – вижу, как ты хочешь меня.

Я сжимаю руль сильнее, чтобы не дать эмоциям вырваться наружу. В салоне повисло напряжение.

Я вдыхаю медленно, как будто кто-то дал мне мину времени – несколько спокойных секунд, чтобы не взорваться. Рука всё так же белеет на руле, но голос стараюсь сделать ровным, почти тихим, чтобы каждое слово дошло до неё без

крика и без драмы:

– Слушай, я не хочу скандалов. Я люблю Марию. По-настоящему. У нас ребёнок, дом, жизнь. То, что было между нами – ошибка. Больно тебе это слышать? Понимаю. Но это правда. Я не могу позволю тебе разрушить всё, к чему я пришёл и что для меня важно.

Я смотрю в зеркало – Рита наклоняет голову, как будто вслушивается, но в её глазах – не сомнение, а лёгкая насмешка. И вдруг, не выдержав паузы, она хихикает, сначала тихо, а потом смех набирает силу, становится звонким и злым одновременно.

– Любишь Марию? – перебивает она, и в её словах слышится презрение. – Да не смей меня. Кому ты врёшь, Кирилл? Себе? Ей? Мне? – Она опирается на мое сиденье, и в её лице – счастье хищника, который поймал добычу и может теперь позволить себе издеваться. – Ты не можешь любить её. Ты не можешь любить «серую мышь», – говорит она медленно, словно диктует приговор. – Ты любишь огонь, страсть, запретное. Ты – не про уют и кашу по утрам. Ты – про меня. Ты просто боишься признаться, что мир без меня – пустота.

Каждое её слово – удар. Я чувствую, как внутри снова поднимается буря: всплывают ночи, когда я слабел, её слова в отеле, её прикосновения. Но я держусь. Голос мой тих и холоден:

– Это твоя фантазия. Ты выдумываешь, чтобы не видеть

правду. Я – не тот, кем ты хочешь меня видеть. Я муж, отец. Я люблю Марию за то, что она – Мария: за терпение, за добро, за то, как она носит нашу дочь и как она выглядит, улыбаясь мне в полумраке кухни. Это не скучно. Это – жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.